

**ЕВГЕНИЙ ХЕЛИМСКИЙ:
ПАМЯТИ УЧЕНИКА И КОЛЛЕГИ В ОДНОМ ЛИЦЕ**

Писать о смерти учителя и/или коллеги — грустно, но, по крайней мере, вполне естественно. А когда коллега, соавтор ряда работ, человек, с которым ты ездил не в одну экспедицию, является твоим бывшим учеником, то на душе становится тяжелее во много крат... То, о чем будет сказано дальше, не является последовательно выстроенной биографией с точными датами и событиями в жизни человека, много сделавшего для науки, человека большого мужества и глубоких знаний.

40 лет назад, в далеком 1968 г. я впервые везла студентов Отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) филологического факультета

МГУ в экспедицию в районы проживания финно-угорских народов — в село Колва. Здесь когда-то бывал М. А. Кастрен, о чем оповещает теперь всех приезжающих сюда табличка на одном из зданий поселка, и здесь среди других восьми студентов был Евгений Хелимский, впервые знакомящийся с полевой лингвистикой, ее методами работы. По материалам этой экспедиции позднее он написал свою первую статью «Влияние русского языка на употребительность внешне-местных падежей коми-зырянского», которая была опубликована в выходящих в те годы сборниках кафедры, называемых Публикации ОСиПЛ. В свое время Евгений Хелимский выражал сомнение, стоит ли печатать статью, которой сам он был недоволен (эта самокритичность осталась у него на всю жизнь, хотя проявлялась порою с запозданием). К тому же, его влекли к себе уже иные проблемы лингвистики — этимологические исследования. В те годы я читала в МГУ лекции по древнерусскому и старославянскому языкам. Когда я замечала, что кто-то из студентов заинтересовался вопросами праязыковых реконструкций, рекомендовала им ходить в Институт славяноведения и балканистики на семинары, которые вел В. А. Дыбо. Так Е. А. Хелимский, С. А. Старостин, В. Э. Орел и многие другие стали заниматься компаративистикой вне университетской программы. Понятно, что печатать статью по проблемам грамматики уже не хотелось, но завкафедрой В. А. Звегинцев, прочитав ее, настоял, и статья была включена в тематический план 1972 г.

Однако, как это часто случается, сборник с опозданием вышел лишь в 1973 г., а в 1972 г. были опубликованы материалы «Конференции по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков», где появилась статья Е. Хелимский «Селькупские дополнения к ностратическим этимологиям» (Москва 1972, с. 86—87). Материалы для этой статьи собирались уже в экспедициях к самодийцам, к которым мы начали ездить после первой поездки к коми. Экспедиции к самодийцам охватили период 1969 — 1977 гг. (первой из них была поездка к большеземельским ненцам). В 1977 г. по семейным обстоятельствам я не смогла поехать к селькупам и студенты отправились в уже хорошо знакомый некоторым из них Красноселькуп с моим заместителем. В августе 1977 г. я получила письмо от Евгения, отчитывавшегося в работе на месте. Вот это письмо:

«Здравствуете, Ариадна Ивановна! Мы — как Вам, очевидно, уже известно из телеграмм — благополучно прибыли в К-селькуп [= Красноселькуп] и приступили к работе. Поселок заметно разросся, построено и строится много двухэтажных домов (все же только деревянных). Впрочем, совхозную часть (гетто) изменения такого рода затронули мало. Увы, нет в живых многих и многих прежних друзей-информантов, в том числе и молодых. Умерли Леонид Орчин, Григ[орий] Игнат[ьевич] Сайготин, Коля — метеоролог из Тольки, Эк[атерина] Зах[аровна] Полина, Ив[ан] Зах[арович] Полин и его жена, Серг[ей] Иннок[ентьевич] Ириков (из Сидоровска), сказочник Андр[ей] Ив[анович] Андреев и ряд других. В общем, осталось не так уж много людей, квалифицированно владеющих редкой и архаической лексикой, и надо сказать, что новых слов в этом году почти не появляется. Что касается меня, то я их практически не ищу — больше внимания уделяю выверке написанных частей грамматики и заполнению оставшихся пробелов. По возможности к этому пытаемся привлечь [---] и экспедиционную молодежь. Авиа сообщения с Рагтой, Толькой в этом году нет,

да и никто, кажется, не высказывает особого желания отрываться от коллектива. Все же при оказии я бы смотался с кем-нибудь в Тольку (на катере). Немало хороших информантов рассеяно сейчас по окрестностям — на песках, в стадах, на сенокосе. Ими пользуемся и, надеюсь, будем пользоваться и далее.

Вот, кажется, вся предварительная информация — об остальном будете судить по нашему возвращению. До свидания. Все передают Вам большой привет. С уважением. Женья»

В письме — весь Евгений Хелимский с его научной ответственностью, самокритичностью, готовностью ехать куда угодно за новым материалом, сочувствующий нашим помощникам селькупам. И одновременно — неумение (по крайней мере, в те годы) руководить работой студентов.

В экспедиционных условиях человек нередко раскрывается с совершенно неожиданной стороны. Не говорю уж о юморе — шутить Евгений был всегда готов. Даже на смертном одре он написал мне: «Я уже, пожалуй, расположился в вечности и даже удобно вытянул ноги — уж простите мне вольность в выборе выражений, говорю/пишу как чувствую». В студенческих экспедициях он любил петь, не обладая при этом слухом, но зато имея очень громкий голос. Его любимой песней была русская народная песня (на слова Д. Садовникова, что мало кому известно), начинавшаяся (в переделке исполнителя) словами «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, vyplывают расписные Стеньки Разина челны». Смех присутствующих заглушал все остальные куплеты. Справедливости ради следует сказать, что со временем ошибок в мелодии становилось все меньше, а радость слушающих от «пения» не уменьшалась.

У самодийцев (особенно в период экспедиций 1970-х годов) среди домашних животных кошка была большой редкостью. Однажды такая кошка (кот?) нашлась: как всякая кошка, гуляющая сама по себе, она пришла в дом, где в небольшой комнате на полу по разным

углам спали все, включая меня, каждый под своим пологом от комаров. Е. Хелимский был большим любителем кошек, что, видимо, почувствовала пришедшая и стала наведываться к нам каждый день. Сразу, как только входила в комнату, она прыгала на верх полога и, естественно, полог прогибался, а она плавно опускалась на грудь Евгения, начинавшего вести длинные беседы с ней. Кошка привыкла сидеть у него на плече, когда тот работал. Позднее кошка (по имени Котя) была у него и в Москве, он водил гулять ее на поводке, как собаку.

Судьба была не слишком ласкова к Евгению Хелимскому. По окончании МГУ (1972 г.) его не удалось взять в аспирантуру МГУ на кафедру, где он учился (пресловутый пятый пункт — национальность). К счастью, вскоре он поступил в аспирантуру Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук. Здесь он писал диссертацию на тему «Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели» (научным руководителем был А. А. Зализняк), пытаясь дать лингвистическую и этногенетическую интерпретацию грамматических явлений венгерского языка (Работа была опубликована в 1982 г.)

По окончании аспирантуры (как и до нее) приходилось подрабатывать, где и как придется. Постепенно Е. Хелимский и И. Козинский (кто первый — не помню) нашли себе нетривиальную работу в «шараш-монтаж-конторе «Магарыч»» (иного названия я не слышала от них, хотя официально это был Московский филиал института виноградарства и виноделия «Магарач» в Ялте). Здесь они занимались переводами литературы по виноделию с английского, немецкого и других языков. Надо ли говорить, что работа неплохо подвигалась и в плане практической дегустации вин, о чем молодые люди радостно рассказывали всем, считая это занятие, судя по всему, не последним делом.

В эти же годы (1970-е) в издательстве «Прогресс» освободилось место редактора по лингвистике, и Е. А. Хелимскому предложили оформиться на работу в издательство. Он ответил от-

казом, мотивируя (по свидетельству редактора М. А. Обориной, переданному мне Т. М. Николаевой) тем, что предлагаемая работа слишком близка к его интересам по лингвистике и поэтому он боится увлечься ею и перестанет заниматься своим делом.

Пора поисков работы прошла сравнительно быстро: 11.06.1979 г. Е. А. Хелимский был взят в Институт славяноведения и балканистики, где числился до 30.09.1992 г. (по данным отдела кадров). Здесь какое-то время он реферировал выходящие на западе и в США книги и сборники по славистике. Как рассказывал он, всех удивляло, где «раскапывал» он такое количество реферируемой литературы по славистике. В. Н. Топоров прямо спрашивал, в какой библиотеке есть эти книги. Смеясь, Е. Хелимский отвечал: «У Ариадны Ивановны» (их присылал Ч. Гриббл, имевший контакт с В. А. Звегинцевым), а мне горько жаловался, что ему надоела такая работа. Нетворческая работа не вдохновляла, тем не менее, выполнял он ее четко и вовремя и незаметно углублялся в новую для него тематику. В результате стали появляться его статьи по славистике и балканистике, а под влиянием В. Н. Топорова он увлекся постепенно мифологией, получившей отражение в ряде статей, в том числе в энциклопедическом двухтомном издании «Мифы народов мира» (1980, 1982).

И все-таки своим настоящим делом он считал компаративистику. Целеустремленность в науке, как и категоричность в решениях, всегда были характерными чертами Е. Хелимского.

В 1970—1980-е годы в Москве уже существовала группа лингвистов, всерьез занимавшихся не просто компаративистикой, а ностратикой, инициаторами которой были еще в 1960-е гг. В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо, А. Б. Долгопольский. Здесь же быстро стали «своими» и студенты ОСиПЛ — Е. А. Хелимский, С. А. Старостин, В. Э. Орел, позднее — О. Мудрак, А. В. Дыбо и др.

Широта интересов Е. А. Хелимского нашла свое отражение в его книге «Компаративистика, уралистика: Лек-

ции и статьи» (2000 г.). Здесь скомпонованы в пять разделов статьи разных лет, причем отправной точкой многих исследований автора, по его собственному признанию, является полевая работа на самодийском Севере. Вслед за разделом «Самодийские народы, языки и культуры» идут разделы по уралистике, алтаистике, славистике и ностратике, и в пределах трех последних рассматриваются контакты самодийско-алтайские, взаимосвязи славян и финно-угров и ранние индоевропейско-уральские связи.

Человек импульсивный, легко увлекающийся и упрямый, Евгений Хелимский нередко оказывался в нелегких ситуациях. Именно так я расцениваю его увлечение политикой в годы начавшейся в России перестройки. На несколько лет он с головой ушел в атмосферу, мне совершенно чуждую, и сколько я ни призывала его вернуться в лингвистику, ничего не действовало. Практически мы перестали общаться, и вдруг... Евгений позвонил мне и сказал: «Вы были правы, Ариадна Ивановна. Я возвращаюсь в лингвистику. Зря время потратил». В дальнейшем он часто видел в черном цвете даже то, что таковым не являлось.

Уйдя снова с головой в лингвистику, Е. А. Хелимский продолжал расширять круг своих интересов. Так, он стал заниматься архивами. Однажды я встретила его в РГАДА (= Российский государственный архив древних актов), где он штудировал рукописи Г. А. Миллера, изданные им совместно с Г. Катцем в 2003 г., когда он уже покинул Россию.

В начале 1990-х годов, покинув Институт славяноведения и балканистики, Е. А. Хелимский начал читать лекции студентам РГГУ (1992—1998) и ездить с ними в экспедиции к энцам и нганасанам; именно тогда он проникся чувством ответственности и успел подготовить хороших специалистов в области уралистики (В. Гусев, А. Урманчиева и — увы! — уже умершая Т. Жданова).

В 1994—1995 гг. он читал лекции студентам в Будапештском университете на английском языке. Не знаю, по ка-

кой причине, но учащиеся плохо посещали эти лекции. В какой-то период в Будапешт приехали на стажировку из МГУ студенты кафедры финно-угроведения, в те годы существовавшей в университете. Они слушали лекции с большим интересом, в то время как остальные студенты в большинстве своем не ходили на них. В результате Е. Хелимский стал читать лекции по-русски.

Вскоре (в 1998 г.) Е. Хелимский переехал в Германию, получив место профессора Гамбургского университета. Началась другая жизнь в другой стране при других обязанностях и заботах. И тем не менее, многое сохранилось от прежнего Евгения и, прежде всего, любовь к науке и требовательность к себе. (Сохранилась и даже усилилась любовь к кошкам: в Гамбурге удивительная кошка Ксюша поджидала, сидя на окне, возвращения домой хозяина и встречала его громким «мявом» в ответ на его пощипывание).

Уже переселившись в Германию, в 2005 г. в рамках X Международного конгресса финно-угроведов в г. Йошкар-Ола Е. А. Хелимский в честь 300-летия со дня рождения Г.Ф. Миллера провел заседание круглого стола, опубликовал доклады участников и репринт Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...». Многие годы во многих городах и селах, которые посещал Е. Хелимский, он заходил в архивы, разыскивая древние рукописи. Я была свидетелем того, как в Туруханске Евгений «добывал» архивные материалы, имеющие отношение к автору северноселькупского словаря Ф. Г. Мальцова, которого предпочитал называть Мальцевым, хотя в рукописях фамилия дается как *Мальцов*. В этой связи у нас даже возник спор о правилах написания фамилий такого рода, тем не менее, на обложке северноселькупского словаря, изданного Е. Хелимским совместно с У. Карс, фамилия выглядит как *Мальцев*.

В 2003 г., живя и работая в Гамбурге, Е. Хелимский заранее списался со мной о времени поездки с несколькими своими студентами к Туруханским селькупам, чтобы иметь возможность пора-

ботать вместе. Мы встретились с ним в Фарково, где часто обсуждали разные вопросы фонетики и грамматики. Во время этих обсуждений выяснялось, что в ряде случаев мы независимо друг от друга приходили к новым сходным решениям некоторых старых проблем; в других случаях оказывалось, что он принимал мою точку зрения, высказываемую раньше и отвергаемую им, а я, наоборот, к этому времени уже отказывалась от нее.

Еще в начале 1980-х годов Евгений обратился ко мне с просьбой взять крупногабаритный чемодан (размером 1 × 0,2 × 0,5 м) с экспедиционными карточками 1977 г. на хранение до поры до времени. Это время прошло через 20 с лишним лет, в феврале 2007 г., когда, как написал он мне из Гамбурга, его потянуло опять к селькупам. Видимо, это было не случайно: зная уже о своем диагнозе, он решил поработать со старыми материалами. «Очень рад встрече с чемоданом 25 лет спустя. Первые шаги подтвердили, что я далеко не преувеличивал значимость этого материала в своих воспоминаниях», — написал он мне в письме, получив картотеку.

В последние годы жизни архивы привлекали все больше и больше его внимание. (Чемоданы с карточками 1977 г., с которыми в последние месяцы своей жизни работал Евгений Хелимский, фактически тоже являются архивными материалами). В результате по собранным им материалам он выпустил несколько книг и призывал других заниматься найденными, но не обработанными и не изданными им рукописями. Об этом он говорил, например, на семинаре, посвящен-

ном состоянию исследования самодийских языков, в Будапеште в мае 2006 г. в Институте языкознания Венгерской академии наук.

Большой ценитель книг, Е. Хелимский в каждой своей поездке, преодолевая дело, начатое Вольфгангом Феенкером, покупал множество книг для библиотеки в Гамбурге. Как-то раз с горечью он сказал: «Умру, а что с библиотекой будет?». Это беспокоило его больше, чем собственная судьба. Он жил так, будто чувствовал, что всего, что он может сделать, он не успеет совершить. Последняя его книга, которую он успел подержать в руках, была написана им вместе с его другом и коллегой А. Е. Аникиным; это «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» (2007 г., издана в Москве).

Хотя он сделал очень много, завещал немало доделать другим.

«Я странен, а не странен кто же? Тот, кто на всех глупцов похож», — эти слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», как нельзя более, подходят Евгению Арнольдовичу Хелимскому — человеку твердому (порою даже жесткому) и мягкому одновременно; компанейскому, веселому и замкнутому, мрачному; человеку большого мужества и огромных знаний, много сделавшему для науки, оставившему память о себе на долгие времена.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Address:
Ariadna Kuznecova
Moscow State University
E-mail: aikuznec@yandex.ru

SUBSCRIPTION INFORMATION FOR THE YEAR 2008

	INDEX	ISSN	SUBSCRIPTION PRICES (including delivery)	
			EUR	
			single issue	year
Acta Historica Tallinnensia	78157	1406–2925	60	60
Estonian Journal of Archaeology	78158	1406–2933	32	64
Estonian Journal of Earth Sciences	78154	1736–4728	30	120
Estonian Journal of Ecology	78152	1736–602X	28	110
Estonian Journal of Engineering	78253	1736–6038	28	110
Linguistica Uralica	70880	0868–4731	28	110
Oil Shale	70236	0208–189X	28	140
Proceedings of the Estonian Academy of Sciences	78155	1736–6046	28	110
Trames	78153	1406–0922	28	110

Subscription orders (order form available at <http://www.kirj.ee>) should be sent to:
Estonian Academy Publishers, Kohtu 6, EE-10130 Tallinn, Estonia.
Tel. (372) 6 454 504, fax (372) 6 466 026, e-mail asta@kirj.ee.

Ajakirju saab tellida aasta või kvartali kaupa kõigi Eesti ajakirjandusleviga tegelevate ettevõtete kaudu (Eesti Ajakirjanduslevi OU, Eesti Post, OU Kirilind) ja üksiknumbreid (ka varem ilmunuid) osta Teaduste Akadeemia Kirjastusest. Täpsem teave <http://www.kirj.ee/>.

LINGUISTICA URALICA. SUPPLEMENTARY SERIES

Volume 1. Estonian Language, Tallinn 2003; Second Edition, Tallinn 2007

**Volume 2. Ilse Lehiste, Pire Teras, Toomas Help, Pärtel Lippus,
Einar Meister, Karl Pajusalu, Tiit-Rein Viits, Meadow
Mari Prosody, Tallinn 2005**